

Сара Эдисон
Амел

Очарованная луной

Когда читатель погрузится
в волшебный мир этого романа, он забудет
о своих заботах и горестях.

Library Journal

И

КНИГА ДЛЯ ТЕХ,
КТО УМЕЕТ МЕЧТАТЬ

Сара Аллен

Очарованная луной

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Аллен С. Э.

Очарованная луной / С. Э. Аллен — «Азбука-Аттикус», 2010

ISBN 978-5-389-15394-3

Семнадцатилетняя Эмили Бенедикт приезжает в маленький городок, где прошли детство и юность ее погибшей матери, в надежде узнать что-то о ее прошлом, которое та тщательно скрывала. Однако никто, включая родного деда, о существовании которого девушка до недавних пор даже не подозревала, не торопится дать ей ответы на ее вопросы. Напротив, тайны и загадки лишь множатся. О чем шепчутся горожане за спиной у Эмили? Что за странный огонь появляется каждую ночь у нее на заднем дворе? Почему самое влиятельное семейство в городе не показывается из дома после захода солнца? Каким образом сам собой изменяется узор на обоях в комнате Эмили, а потерянный браслет возвращается к хозяйке? Кажется, эти необъяснимые события вызывают удивление у одной лишь Эмили, а все остальные не видят в происходящем ничего необычного...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-15394-3

© Аллен С. Э., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сара Аллен

Очарованная луной

Sarah Addison Allen
The Girl Who Chased The Moon

© 2010 by Sarah Addison Allen

© И. Тетерина, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

Памяти знаменитого доброго великана Роберта Першинга Уодлоу (1918–1940).

На момент смерти в возрасте двадцати двух лет его рост составлял 2 метра 72 сантиметра.

Этот рекорд не побит до сих пор.

Глава 1

Эмили не сразу поняла, что автомобиль затормозил. Она оставила в покое браслет с подвесками, который задумчиво крутила на запястье, и выглянула в окно. Два могучих дуба перед домом походили на всполошившихся придворных дам, застывших в реверансе. Их накрахмаленные зеленые платья-кроны покачивались на ветру.

– Приехали? – спросила она водителя такси.

– Шелби-роуд, шесть. Маллаби. Можете вылезать.

Эмили поколебалась, потом расплатилась и вышла из машины. В воздухе ощущался сладковатый запах томатов и терпкий аромат орешника – приятно и непривычно. Безотчетно Эмили провела кончиком языка по губам. Уже смеркалось, но фонари еще не зажглись. Вокруг было так тихо, что у Эмили даже голова закружилась. Ни уличного шума. Ни гомона ребятишек. Ни музыки, ни звука работающего телевизора. Ее охватило чувство оторванности от мира, словно она очутилась где-то в невообразимой глуши.

Пока водитель вытаскивал из багажника две битком набитые дорожные сумки, Эмили успела немного оглядеться. Вдоль улицы тянулись элегантные старинные особняки; едва ли не каждый был шедевром в духе классических голливудских кинокартин про жизнь американского Юга.

Водитель поставил сумки на тротуаре рядом с ней, кивнул, сел за руль и уехал.

Эмили проводила машину взглядом, заправила за ухо выбившуюся из короткого хвоста прядь волос, ухватила за ручки сумок и поволокла их по дорожке во двор, под сень раскидистых деревьев. В тени было сумрачно и прохладно, и она ускорила шаг. Однако едва Эмили вынырнула из-под деревьев с другой стороны, как застыла на месте при виде открывшегося ее взгляду зрелища.

Дом ничем не напоминал прочие здания в округе.

Вероятно, некогда он был белоснежным, но давно уже посерел; стрельчатые окна в стиле неоготики были пыльными и мутными. Этот дом прямо-таки бахвалился своим возрастом – о нем в полный голос кричала облупленная краска на стенах и щербатая кровельная дранка. Весь первый этаж опоясывала просторная терраса, крыша ее служила балконом второго этажа; все обильно усеивали сухие дубовые листья, явно копившиеся не один год. Если бы не расчищенный проход в самом центре ступеней, могло бы показаться, что в доме никто не живет.

Так вот, значит, где выросла ее мать?

У Эмили задрожали руки. Наверное, сказала она себе, это от тяжести сумок. Она поднялась по ступеням на террасу, волоча за собой поклажу и целую охапку листвы. Там она поставила сумки и, подойдя к двери, постучала.

Ответа не было.

Она постучала еще раз.

И вновь тишина.

Она снова поправила волосы и оглянулась через плечо, как будто рассчитывала найти зади какой-то ответ. Потом открыла ржавую сетчатую дверь и позвала:

– Эй! Есть тут кто-нибудь?

Звук получился гулкий, как в бочке.

Вновь никакого ответа.

Эмили нерешительно переступила порог. Свет не горел, но последние отблески дня еще проникали в дом сквозь окна столовой слева от входа. Богато изукрашенная темная мебель в столовой казалась невероятно огромной, как будто была сделана для великана. Справа от входа явно располагалась еще одна комната, но сводчатый проход закрывала складная дверь-

гармошка. Прямо напротив начинался коридор, ведущий в кухню, и широкая лестница на второй этаж. Эмили приблизилась к ступеням и крикнула в проем:

– Есть тут кто-нибудь?

В это мгновение складная дверь распахнулась, и Эмили отскочила от неожиданности. Из комнаты выглянул старик с серебристыми волосами; чтобы не удариться головой, ему пришлось пригнуться. Он был невероятно высок ростом и передвигался какой-то деревянной походкой, как будто вместо ног у него были ходули. Старик выглядел до крайности нескладным, как небоскреб, выстроенный из мягкой древесины вместо бетона. Казалось, он вот-вот переломится пополам.

– Ну наконец-то. Я уже начал волноваться.

Этот тягучий южный говор она помнила по их первому и единственному телефонному разговору, который состоялся неделю назад, однако его обладатель оказался совершенно не таким, каким она его себе представляла.

Чтобы взглянуть ему в лицо, ей пришлось задрать голову.

– Вэнс Шелби?

Старик кивнул. Казалось, он ее побаивается. Мысль о том, что такой великан может чего-то бояться, привела Эмили в замешательство, и она поймала себя на том, что следит за своими движениями, чтобы не напугать его.

– Здравствуйте. – Она медленно протянула руку. – Я Эмили.

Он улыбнулся. Потом улыбка переросла в смех, вернее, трескучий рев, как от большого костра. Ее рука полностью утонула в его ручище, когда он пожал ее.

– Я знаю, кто ты, детка. Вылитая твоя мама в таком же возрасте. – Его улыбка померкла так же стремительно, как и появилась. Он опустил руку и принялся неуклюже оглядываться по сторонам:

– А где же твои чемоданы?

– Оставила на крыльце.

Возникла неловкая заминка. До недавних пор они даже не подозревали о существовании друг друга. Как же вышло, что темы для разговора исчерпались так быстро? Ей столько всего нужно было узнать.

– Что ж, – произнес старик наконец, – весь второй этаж в полном твоём распоряжении. Мне-то туда уже и не подняться. Артрит. Я теперь вот куда перебрался. – Он указал на складную дверь. – Можешь занимать любую комнату, какую захочешь, но мама твоя жила в самой дальней, справа. Расскажешь мне потом, что там на обоях. Хочу узнать.

– Спасибо. Обязательно, – пообещала она.

Но он уже удалялся в сторону кухни, громко шаркая ногами в невероятного размера туфлях.

Озадаченная, Эмили проводила его взглядом. И это все?

Она вернулась на крыльцо и втащила в дом сумки. На втором этаже обнаружился длинный коридор, пахнувший шерстью и теснотой. Из коридора вели куда-то шесть дверей. Эмили двинулась вперед, со скрежетом волоча сумки за собой по дубовому полу.

Дойдя до последней двери с правой стороны от лестницы, она выпустила сумки и пошарила рукой по внутренней стене комнаты, нащупывая выключатель. Первое, что бросилось ей в глаза, когда вспыхнул свет, были обои в мелкий лиловый цветочек, похожие на ароматизированную бумагу. В комнате и в самом деле пахло сиренью. У стены стояла кровать с балдахинном; рваные остатки тюлевого полога болтались на стойках, словно поникшие флажки на флагштоках.

В изножье кровати стоял массивный белый сундук. На нем затейливой вязью было вырезано имя: Далси. Так звали мать Эмили. Она мимоходом провела рукой по крышке. На кон-

чиках пальцев осталась густая пыль. Сквозь запустение, как вода из-под ледяной корки, просачивалось исходившее от этой комнаты отчетливое ощущение привилегированности.

Бессмыслица какая-то. Эта комната не имела ничего общего с ее матерью.

Эмили распахнула двустворчатые французские двери и вышла на балкон. Под ногами захрустела сухая дубовая листва, которой оказалось по щиколотку. После того как мамы не стало, все представлялось таким шатким, непрочным, как будто Эмили ступала по картонному мосту. Бостон она покидала с надеждой в душе; думалось, стоит только приехать сюда, как все уладится само собой. Мысль о возвращении в места маминой юности, о воссоединении с дедом, о существовании которого она прежде и не подозревала, по-настоящему ее согревала.

А вместо этого, словно в насмешку, она очутилась в этом до странности безлюдном месте.

У нее не было ощущения, что она дома.

В поисках утешения Эмили привычно потянулась к запястью, но пальцы встретили одну только голую кожу. Она с испугом вскинула руку.

Браслет исчез.

Она опустила глаза, огляделась вокруг. Потом принялась в отчаянии расшвыривать ногами палую листву, пытаясь найти браслет. Все было тщетно. Эмили бросилась в комнату, втащила из коридора сумки. Может, браслет зацепился за какую-нибудь из них и попал внутрь? Она торопливо вывалила из сумок всю одежду и уронила на пол ноутбук, завернутый в ее белое зимнее пальто.

Браслета нигде не было. Эмили выскочила из комнаты, сбежала по лестнице и вылетела на крыльцо. Под сенью деревьев было уже так темно, что ей пришлось замедлить шаг, пока сквозь листву не начал просачиваться свет уличных фонарей. Тогда она выбежала на дорогу.

После десятиминутных поисков стало очевидно: либо она обронила браслет на тротуаре и кто-то уже успел его подобрать, либо он свалился у нее с руки в такси, когда она теребила его, и теперь находился на пути обратно, в Роли, где она поймала такси у автобусного вокзала.

Браслет достался ей от матери. Далси любила его, особенно подвеску-амулет в виде полумесяца. Она так часто поглаживала ее, глядя перед собой с отсутствующим видом, что металл стерся и стал совсем тонким.

Эмили медленно побрела к дому. У нее в голове не укладывалось, что она потеряла браслет.

Послышался какой-то звук, как будто хлопнула дверца сушильной машины, и из кухни показался ее дед.

– Сирень, – произнесла она, поравнявшись с ним в передней.

Ей пришлось остановиться и подождать, пока он заметит ее, чтобы не напугать его. До чего же странно: ведь это он великан, а чувствует себя какой-то не такой почему-то она.

Он поглядел на нее с подозрением, как будто она задумала обвести его вокруг пальца.

– Сирень?

– Вы спрашивали, что на обоях в бывшей маминой комнате. Сирень.

– А-а. Когда она была маленькой девочкой, там всегда были цветы. Главным образом розы. Но когда она выросла, все изменилось. Помню, как-то раз там появились молнии на угольно-черном фоне. А в другой раз они покрылись голубыми чешуйками, как на драконьем брюхе. Далси была вне себя, но ничего не могла с ними поделать.

Эмили против воли улыбнулась:

– Это совсем не в ее духе. Помню, как-то раз...

Вэнс отвел взгляд, и она умолкла. Ему было неинтересно. В последний раз он видел свою дочь двадцать лет назад. Неужели ему даже не любопытно? Уязвленная, Эмили отвернулась от него:

– Пожалуй, я пойду лягу.

– Ты не проголодалась? – спросил он, следуя за ней на почтительном расстоянии. – Я утром ходил в магазин, купил кое-какой подростковой еды.

Эмили поднялась на первую ступеньку лестницы и обернулась. Старик попятился.

– Спасибо, но я в самом деле устала.

– Ну ладно. – Он кивнул. – Может, завтра.

Эмили вернулась в спальню и бросилась на кровать. Над матрасом взвилось облако затхлого запаха. Она лежала и смотрела в потолок. На свет налетели мотыльки и вились вокруг подернутой паутиной люстры. Ее мать выросла в комнате с люстрой? И это та женщина, которая строго выговаривала дочери всякий раз, когда Эмили забывала где-нибудь выключить за собой свет?

Она подобрала с пола какую-то одежду и зарылась в нее лицом. От вещей исходил привычный запах маминых благовоний. Эмили изо всех сил зажмурилась, чтобы не расплакаться. Пока рано еще говорить, что решение приехать сюда было ошибкой. А даже если и было, теперь уже все равно ничего не поделаешь. Уж год-то она здесь как-нибудь выдержит.

На балконе ветер зашуршал сухой листвой. Звук вышел в точности такой, как будто по ней кто-то бродил. Эмили оторвала лицо от одежды и выглянула в открытую балконную дверь.

Свет падал на кроны ближних к дому деревьев на заднем дворе, но их ветви были неподвижны. Эмили села на постели, потом сползла на пол. Очутившись на балконе, она принялась с опаской озираться по сторонам.

– Кто здесь? – спросила она.

И что она будет делать, если кто-нибудь ей ответит?

Внезапно что-то привлекло ее внимание. Она поспешно приблизилась к балюстраде. Ей показалось, что в густых зарослях под балконом что-то промелькнуло.

Вот! Вот опять! В просвете между деревьями мелькнул яркий белый огонек – мимолетная ослепительная вспышка. Свет постепенно мерк, все больше удаляясь в чащу леса, пока не погас совсем.

Добро пожаловать в Маллаби, штат Северная Каролина! На родину призрачных огней, великанов и похитителей украшений.

Она развернулась, чтобы идти обратно, и остановилась как вкопанная.

На старом садовом столике поверх слоя опавшей листвы лежал ее браслет.

Еще несколько минут назад его там не было.

Это все вино.

Не надо было Джулии столько пить.

Когда завтра утром она увидит Стеллу, то так ей и скажет: «Да, кстати, я вчера наговорила тебе бог знает каких глупостей про Сойера... в общем, не принимай всерьез. Это все вино».

В тот вечер, поднимаясь в свою квартиру, Джулия испытывала легкую панику, а вовсе не приятную истому, как это обычно бывало после их со Стеллой вечерних посиделок с вином на заднем крыльце. Всего шесть месяцев оставалось до того дня, когда она снова будет свободна от этого города, шесть месяцев, которые обещали пролететь быстро и незаметно, заключительный этап ее двухгодичного плана. Но, наболтав лишнего, она своими руками вырыла себя яму. Если ее слова дойдут до Сойера, он ее в покое не оставит. Уж она-то его знает.

Добравшись до верха лестницы, она открыла дверь и очутилась в тесной прихожей. Второму этажу Стеллиного дома даже не пытались придать сходство с квартирой. Из прихожей открывались четыре двери. Одна вела в ванную, другая – в спальню Джулии, третья – еще в одну комнату, приспособленную под кухню, а четвертая – в третью крохотную комнатку, которую Джулия использовала вместо гостиной.

Много лет назад, после того как теперь уже бывший муж Стеллы растранижил средства ее трастового фонда, он решил поправить свое материальное положение, сдавая часть

дома внаем, и, повесив на верху лестницы длинную штору, провозгласил: «Вуаля! Квартирка готова!» Когда желающих снять ее почему-то не обнаружилось, это стало для него полнейшей неожиданностью. Когда сперва делаешь, а потом думаешь, последствия всегда бывают неожиданными, любила повторять Стелла. В последний год их со Стеллой брака он начал оставлять мелкую черную пыль на всем, к чему прикасался; Стелла утверждала, что это свидетельство черноты его души. После того как Стелла начала находить эту черную пыль на других женщинах – она припорашивала их лодыжки, когда летом они облачались в шорты, и уши, когда они забирали волосы кверху, – она наконец выставила его из дома. Она попросила брата установить на площадке второго этажа дверь, а в одной из верхних комнат – раковину и плитку, в надежде на то, что из затеи ее непутевого экс-муженька выйдет хоть какой-то прок. Так у нее и поселилась Джулия.

Поначалу мысль о том, чтобы снимать жилье у одной из своих бывших школьных обидчиц, пугала Джулию. Впрочем, выбора у нее все равно не было. Квартирка Стеллы – единственное, что оказалось ей по карману, когда она вернулась в Маллаби. Однако, к ее изумлению, несмотря на все их былые разногласия, они со Стеллой неплохо поладили. Джулия сама до сих пор не до конца понимала, как вышло, что они подружились. В старших классах Стелла была одной из самых популярных девушек, состояла в обществе «Сассафрасс»¹ – так эта избранная группа расфуфыренных красоток именовала себя. Джулия же принадлежала к числу тех, кого соученики в школьных коридорах сторонились. Она была нелюдимою, резкой и странной. Волосы красила в ядерно-розовый цвет, носила кожаный ошейник с шипами и так густо подводила глаза черным карандашом, что они казались подбитыми.

А ее отец изо всех сил делал вид, что ничего не замечает.

Джулия двинулась по коридору в спальню. Однако не успела она даже щелкнуть выключателем, как заметила свет в доме Вэнса Шелби, расположенном по соседству. В темноте она подошла к открытому окну и выглянула наружу. За все время, что Джулия прожила в доме Стеллы, за все бессонные ночи, которые просидела у этого окна, она ни разу не видела, чтобы в окнах второго этажа в этом доме горел свет. На балконе стояла девочка-подросток. Просто стояла, неподвижная, будто вылепленная из снега, и смотрела в заросли за домом Вэнса. Она была тоненькая, как ивовый прутик, с копной желтых волос, и такой грустью веяло от этой беззащитной фигурки, что в ночном воздухе разливался запах кленового сиропа. Лицо у нее было смутно знакомое, и тут Джулия вдруг вспомнила. К Вэнсу должна была приехать внучка. Всю неделю в ресторане у Джулии только об этом и говорили. Одни с любопытством, другие со страхом, третьи с нескрываемой злобой. Не все простили мать девчонки за то, что она сделала.

При мысли о том, как несладко девочке здесь придется, Джулии стало не по себе. В душе поднялось неясное беспокойство. И собственное-то прошлое искупать нелегко, что уж говорить о чужом.

Завтра утром, решила Джулия, она испечет в ресторане лишний торт и занесет новой соседке.

Джулия разделась и легла в постель. Наконец соседский дом погрузился в темноту. Она вздохнула, повернулась на бок и стала ждать, когда можно будет перечеркнуть в календарике еще один день.

Когда почти два года назад умер ее отец, Джулия отпросилась с работы на несколько дней, чтобы съездить в Маллаби и привести его дела в порядок. Она намеревалась быстро продать его дом и ресторан, забрать деньги, вернуться с ними в Мэриленд и наконец-то воплотить в жизнь свою мечту – открыть собственную кондитерскую.

¹ *Сассафрасс* – американский лавр. Все части дерева отличаются сильным ароматом, корни выделяют токсичное вещество, что способствует подавлению другой растительности. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Однако события пошли не совсем так, как она рассчитывала.

Очень быстро выяснилось, что ее отец по уши погряз в долгах, а дом с рестораном заложены и перезаложены. Продав дом, Джулия расплатилась по закладной за него и частично за ресторан, но даже после продажи ресторана она с трудом наскребла бы денег, чтобы погасить всю задолженность перед банком. Так и появился на свет ее злополучный двухлетний план. Она жила очень скромно и не покладая рук работала в «Джейс барбекю», рассчитывая за два года расплатиться с банком, после чего продать ресторан с хорошей прибылью. Своих намерений Джулия ни от кого в городе не скрывала. Она проведет два года в Маллаби, но это не значит, что она здесь останется. Она тут просто в гостях. И ничего более.

Когда она приняла бразды правления рестораном, «Джейс барбекю» имел небольшой, но преданный кружок завсегдатаев – благодаря ее отцу. Он умел сделать так, что они уходили из ресторана совершенно счастливые, окутанные желтым дымным ореолом, который тянулся за ними, точно шлейф. Однако по количеству подобных ресторанов на душу населения Маллаби опережал все города штата, так что конкуренция была ожесточенной. Джулия понимала, что теперь, когда на отцовское обаяние рассчитывать больше не приходится, ресторану нужна какая-то изюминка, которая выгодно отличала бы его от остальных. И тогда она начала печь на продажу торты и пирожные – что-то, а это она умела, – после чего дела незамедлительно пошли в гору. Вскоре «Джейс барбекю» уже славился не только своим барбекю по-лексингтонски², но и лучшей выпечкой в округе.

Джулия неизменно появлялась в ресторане еще затемно; раньше ее приходил на работу только повар, разводивший огонь в яме для барбекю. Они редко разговаривали. У него была своя работа, у нее – своя. Повседневное руководство рестораном она отдала на откуп людям, которых выучил и которым доверял ее отец. Несмотря на то что этот бизнес был у нее в крови, она старалась оставаться как можно более от него отстраненной. Она любила отца, но давно уже не мечтала быть на него похожей. В детстве, еще до того, как превратиться в угрюмого подростка с розовыми волосами, Джулия каждый день забегала к нему на работу перед уроками и с радостью помогала во всех делах, начиная от обслуживания посетителей и заканчивая подбрасыванием дров в коптильную яму. С «Джейс барбекю» были связаны многие из лучших ее воспоминаний. Но с тех пор столько всего произошло, что она и помыслить не могла о том, чтобы снова когда-нибудь почувствовать себя здесь как дома. Поэтому она приходила спозаранку, пекла свои торты и уходила сразу же, едва в ресторан начинали тянуться к завтраку самые ранние птички. В удачные дни она даже не сталкивалась с Сойером.

Сегодня, как выяснилось, день был неудачный.

– Ни за что не догадаешься, что мне вчера вечером рассказала Стелла, – с порога объявил Сойер Александер, входя в кухню.

Джулия заканчивала возиться с яблочным тортом, который собиралась отнести внучке Вэнса Шелби. На миг она зажмурилась. Стелла, должно быть, кинулась звонить ему, едва за Джулией закрылась дверь.

Сойер подошел к ней и остановился почти вплотную. Он был как свежий морозный воздух. Его считали хладнокровным и гордым, но прощали ему это за обаяние, которое брызгало от него во все стороны, точно солнечный свет. Синеглазый и светловолосый, он был красив, умен, богат и приятен в общении. Вдобавок ко всему прочему он был еще и до отвращения добр, как и все мужчины в его роду, воспитанный в лучших традициях Юга. Каждое утро Сойер привозил в ресторан Джулии своего деда, чтобы тот мог позавтракать в обществе старых друзей.

² *Лексингтон* – город в штате Северная Каролина, носит неофициальный титул столицы барбекю. Барбекю по-лексингтонски готовят из свинины на углях из твердых пород дерева в специальной яме.

– Посторонним запрещено находиться в кухне, – бросила она, водружая последний корж поверх слоя сушеных яблок с корицей.

– Ну так пожалуйся на меня хозяйке. – Он заправил волосы ей за левое ухо, на миг задержав в пальцах тонкую прядку, которую она по старой памяти упорно продолжала красить в розовый цвет. – Неужели ты не хочешь узнать, что мне вчера рассказала Стелла?

Она резко мотнула головой, продолжая выкладывать поверх коржа остатки яблочно-коричной смеси.

– Стелла была пьяна и могла наплести тебе что угодно.

– Она сказала, что ты печешь свои торты из-за меня.

Джулия знала, что сейчас услышит именно эти слова, но все равно замерла с кондитерской лопаткой в руке. Потом поспешно принялась размазывать яблочно-коричную пропитку дальше, надеясь, что он ничего не заметил.

– Она считает, что у тебя заниженная самооценка. И пытается ее поднять.

Он в своей самодовольной манере вскинул одну бровь:

– В чем меня только ни обвиняли, но в заниженной самооценке – первый раз.

– Трудно, наверное, быть таким красивым.

– Не то слово. Ты действительно ей это сказала?

– Не помню. – Джулия бросила лопатку в пустую миску из-под пропитки и понесла и ту и другую в мойку. – Я тоже была пьяна.

– Ты никогда не бываешь пьяной.

– Ты не настолько хорошо меня знаешь, чтобы разбрасываться подобными утверждениями.

До чего же было приятно так его отбрызгать. Восемнадцать лет отсутствия не прошли даром. «Вот как я теперь умею», – хотелось ей сказать.

– Верно. Зато я знаю Стеллу. Даже выпив, она никогда не говорит неправду. Зачем ей рассказывать мне, что ты печешь торты из-за меня, если это неправда?

– Я пеку торты. А другого такого любителя сладкого, как ты, в городе еще поискать. Возможно, эти два факта каким-то образом переплелись у нее в голове.

Джулия нырнула в кладовку за коробкой для торта и задержалась там в надежде, что он сдастся и уйдет.

– Ты что, собралась забрать торт с собой? – удивился он, когда она все-таки показалась на пороге с коробкой.

Он не сдвинулся с места. Все это время в кухне кипела работа – сновали туда-сюда официантки, переходили от стола к столу повара, без устали стучали ножи, – а он стоял не шелохнувшись. Она поспешно отвернулась. Слишком долго смотреть на мужчин из семейства Александер было все равно что вглядываться в солнце. Образ запечатлевался на сетчатке. Даже закрыв глаза, ты все равно продолжал его видеть.

– Хочу отнести его внучке Вэнса Шелби. Она вчера вечером приехала.

Он даже рассмеялся:

– Ты в самом деле собралась встречать кого-то пирогами?

До нее только теперь дошла вся абсурдность происходящего.

– Сама не знаю, что на меня нашло.

Он внимательно смотрел, как она упаковывает торт в картонную коробку.

– Этот цвет очень тебе идет. – Он коснулся рукава ее белой блузки.

Она немедленно отдернула руку. Полтора года Джулия старалась держаться подальше от этого мужчины, и вот пожалуйста, надо же было ей выболтать Стелле то единственное, что будет притягивать его к ней, как сила всемирного тяготения. Он только и ждал этого повода с того самого момента, как она вернулась в город. Он спал и видел, как бы подобраться к ней

поближе. Она это знала. И ее это злило. Как после всего, что случилось, он может даже думать о том, чтобы снова начать все с того самого места, на котором они закончили?

Джулия захлопнула окошко над столом. Это было последнее, что она делала на своем рабочем месте каждое утро, и порой от этого ей становилось грустно. Еще один день, еще один призыв, так и оставшийся без ответа. Она взяла коробку с тортом и, не говоря больше ни слова, вышла в зал.

Обстановка в «Джейс барбекю», как и в большинстве подобных ресторанов на Юге, была самая незатейливая: линолеум на полу, клеенчатые скатерти на столах, массивные деревянные кабинки. Дань традиции. Взяв бразды правления в свои руки, Джулия сняла было с дальней стены выдавшую виды автогоночную атрибутику, которую повесил там ее отец, но это нововведение вызвало такие протесты, что ей пришлось вернуть все на место.

Она поставила коробку с тортом и сняла со стойки грифельную доску. На ней она принялась выводить названия десертов, которым предстояло войти в сегодняшнее меню. Из традиционных для Юга – торт «Красный бархат» и фунтовый кекс с персиками, а из экзотики – миндальное печенье с зеленым чаем и медом и пончики с клюквой. Она знала, что более экзотические десерты разойдутся первыми. На это у нее ушел почти год, но она все-таки покорила своих завсегдатаев мастерством в уже привычных им вещах, так что теперь они готовы были пробовать все, что выходило из ее рук.

Сойер показался как раз в тот момент, когда она устанавливала грифельную доску на стойку.

– Я обещал Стелле зайти к ней сегодня с пиццей. Ты будешь дома?

– Я всегда дома. Послушай, почему бы вам двоим не переспать наконец и не покончить с этой канителью?

С тех самых пор, как Джулия вернулась в Маллаби, каждый четверг Сойер неизменно появлялся на пороге у Стеллы с пиццей в руках. Стелла клялась, что это чисто дружеские посиделки. Джулия считала ее наивной.

Сойер склонился к ее уху:

– Мы со Стеллой действительно как-то раз переспали. Три года назад, сразу после ее развода. И чтобы ты не подумала, что я неразборчив в связях, скажу, что в последнее время я стараюсь быть пай-мальчиком.

Он удалился, и она проводила его пронзительным взглядом. Его непринужденное, почти небрежное признание застало ее врасплох и оставило где-то внутри ощущение едкого холодка, как когда она впервые попробовала лайм.

Джулия не могла винить его в том, что много лет назад он повел себя как напуганный подросток, узнав, что она забеременела в результате их единственной ночи на футбольном поле. Она сама тогда тоже была напуганным подростком. И они приняли единственное решение, которое могли принять в тот момент. К счастью или к несчастью.

Возмуцало ее то, с какой легкостью он вернулся к своей прежней жизни. Для него это была всего лишь одна ночь. Одна злополучная ночь с непопулярной девицей «с приветом», с которой он за все время учебы хорошо если парой слов перемолвился. С девицей, которая была влюблена в него по уши.

О господи. Нет, второй раз на эти грабли она не наступит. Только этого не хватало.

Еще полгода с небольшим, и она навсегда покинет этот безумный городишко. И никогда больше не вспомнит о Сойере.

Если ей будет хотя бы немного сопутствовать удача.

Глава 2

Когда Эмили проснулась, весь лоб у нее был в испарине, а тело ломило. Она понятия не имела, где находится. Быстро усевшись на постели, она вытащила из ушей наушники MP3-плеера и огляделась по сторонам. Сирень на обоях, выдавшая виды мебель для маленькой принцессы. Теперь она вспомнила. Это бывшая комната ее матери.

Никогда еще Эмили не приходилось ночевать в месте, которое казалось таким пустым. Она знала, что ее дед внизу, но от мысли о том, что на всем втором этаже, кроме нее, ни одной живой души, становилось не по себе. Всю ночь абсолютную тишину время от времени нарушал громкий скрип рассыхающегося деревянного дома да похрустывали на балконе сухие листья. В конце концов Эмили заткнула уши наушниками и попыталась представить, что находится где-нибудь в другом месте. Где нет такой *сырости*.

Страшно ей или нет, но следующей ночью придется спать с открытым балконом, или она утонет в луже собственного пота. В какой-то момент Эмили просто-напросто сбросила одеяло. Ложилась она в пижаме, но почти сразу же избавилась от брюк и осталась в одной футболке. Может, ее мать и была самой сознательной личностью на планете – активистка, ярая защитница природы, ревностная поборница прав обездоленных, – но даже она включала кондиционер, когда становилось слишком жарко.

Эмили отправилась в старомодную ванную комнату и приняла ванну, поскольку душа там не оказалось. Но перед этим она на мгновение пришла в замешательство при виде двух отдельных кранов для горячей и холодной воды вместо одного для той и другой сразу, как в нормальных ваннах.

После этого она натянула шорты с майкой и спустилась вниз.

Первое же, что бросилось ей в глаза, была записка, приколотая с обратной стороны к сетчатой двери.

ЭМИЛИ, ЭТО ДЕДУШКА ВЭНС. Я ЗАБЫЛ ТЕБЕ СКАЗАТЬ, ЧТО КАЖДОЕ УТРО ЗАВТРАКАЮ В ГОРОДЕ. НЕ ХОТЕЛ ТЕБЯ БУДИТЬ. Я ПРИНЕСУ ТЕБЕ ЧТО-НИБУДЬ НА ЗАВТРАК, НО НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ ЕСТЬ ЕДА ДЛЯ ПОДРОСТКОВ.

Записка была написана крупными печатными буквами. Строчки съезжали с линеек вниз, как будто он писал в темноте.

Эмили глубоко вздохнула, пытаясь примириться еще с одним крушением надежд. Это ее первый день здесь, а он не захотел провести его с ней.

Пока Эмили в задумчивости стояла перед дверью, во дворе захрустели листья. Вздвигнув от неожиданности, она вскинула глаза и увидела, что на крыльцо поднимается женщина лет тридцати со светло-каштановыми волосами, подстриженными под стильный короткий боб. Эмили тоже носила боб, но ее голова никогда так не выглядела. Она уже бог знает сколько времени пыталась отрастить волосы, но из них до сих пор можно было соорудить лишь короткий хвостик, да и то они постоянно выбивались из него и лезли ей в лицо.

Женщина заметила Эмили, лишь когда поднялась на верхнюю ступеньку. Ее лицо мгновенно озарила улыбка.

– Привет! – произнесла она, остановившись перед дверью. – Ты, должно быть, внучка Вэнса.

А еще у нее были очень красивые темно-карие глаза.

– Да, я Эмили Бенедикт.

– А я Джулия Винтерсон. Живу вон в том доме. – Гостья кивнула на бело-желтый дом по соседству.

Тогда-то Эмили и заметила в волосах Джулии розовую прядь, заправленную за ухо. Увидеть такое у этой женщины со свежим лицом, в припорошенных мукой джинсах и блузе в крестьянском стиле было неожиданно.

– Я принесла тебе яблочный торт. – Гостья открыла белую коробку, которую держала в руках, и продемонстрировала Эмили нечто похожее на стопку очень больших коричневых оладий с какой-то прослойкой между ними. – В качестве... – она явно боролась с собой, потом все-таки произнесла: – приветствия. У Маллаби есть свои недостатки, о которых твоя мама наверняка тебе рассказывала, но зато еда здесь отменная. Голодать ты точно не будешь. Хоть что-то.

Эмили не помнила, когда ей в последний раз хотелось чего-нибудь вообще, не говоря уже о еде, но сообщать об этом Джулии она не стала.

– Мама ничего не рассказывала мне о Маллаби, – произнесла она, глядя на торт.

– Совсем?

– Совсем.

От потрясения Джулия, похоже, потеряла дар речи.

– Вы что-то сказали? – спросила Эмили, оторвавшись от созерцания торта.

– Нет-нет. – Джулия покачала головой и закрыла коробку крышкой. – Я отнесу его в кухню?

– Да-да, конечно. Проходите.

Эмили распахнула перед ней сетчатую дверь.

Записка от дедушки Вэнса все еще висела на двери, и Джулия ее заметила.

– Вчера утром Вэнс попросил меня свозить его в магазин, купить чего-нибудь для тебя. – Она кивнула на записку. – В его понимании еда для подростков – это лимонад, фруктовые рулетки и жвачка. Я убедила его взять чипсов, рогаликов и кукурузных хлопьев.

– Это было очень мило с вашей стороны, – заметила Эмили. – Ну, то есть свозить его в магазин.

– В детстве я была большой поклонницей маллабийского великана.

Эмили посмотрела на нее с недоумением, и Джулия пояснила:

– Так здесь зовут твоего деда.

– А какой у него рост? – спросила Эмили вполголоса, как будто он мог ее услышать.

Джулия рассмеялась. Это был потрясающий смех, Эмили словно в круг солнечного света ступила. И ее появление на крыльце с тортом вдруг показалось девочке очень подходящим к характеру Джулии. Она сама была как торт, воздушная, симпатичная и украшенная снаружи – своим заразительным смехом и этой розовой прядью за ухом, – но о том, что скрывалось за всем этим, оставалось только гадать. Эмили подозревала, что там вполне могло таиться что-нибудь темное.

– Достаточный, чтобы заглянуть в будущее. Он всем так отвечает. Восемь футов с чем-то, точнее сказать не могу. Ребята из Книги рекордов Гиннеса как-то попробовали сюда сунуться, но Вэнс даже разговаривать с ними не стал.

Дорога в кухню была Джулии явно знакома, так что Эмили двинулась за ней следом. Кухня оказалась просторной и вычурной, как будто попала сюда прямо из пятидесятых. В свое время, должно быть, ее оформление было настоящим пискom моды. Все здесь оказалось вызывающе-красного цвета: красные шкафчики, красно-белый кафельный пол и пузатый красный холодильник с серебристой ручкой.

Джулия поставила коробку с тортом на стол, потом повернулась и посмотрела на Эмили.

– Ты очень похожа на свою мать, – произнесла она наконец.

– Вы ее знали? – Эмили оживилась.

Наконец-то она нашла человека, который проявил готовность поговорить о ее матери!

– Мы учились в одном классе. Хотя не особенно общались. – Джулия сунула руки в карманы джинсов. – Она что, вообще ничего тебе не рассказывала?

– Я знала, что она родилась в Северной Каролине, но не знала, где именно. Я не знала даже, что у меня есть дедушка. – Брови Джулии поползли вверх, и Эмили принялась торопливо объяснять: – Она не говорила, что у меня нет деда, просто никогда не упоминала о нем, и я всегда считала, что его нет в живых. Мама вообще не любила вспоминать свое прошлое, ну я и не расспрашивала. Она всегда говорила: глупо жить прошлым, которое все равно уже не изменишь, когда столько всего можно сделать, чтобы изменить будущее. Она вечно была по уши занята своими акциями.

– А акциями?

– «Амнести интернешнл», «Оксфам», «Гринпис», «Нейчур консерванси»³. В молодости она много путешествовала. А когда родилась я, осела в Бостоне. И занялась общественной деятельностью.

– Ясно. Это... не совсем то, чего я ожидала.

– Она и здесь была такой же? Тоже ввязывалась во все подряд?

Джулия торопливо вытащила руки из карманов:

– Мне пора.

– А-а. – Эмили была совершенно сбита с толку. – Что ж, спасибо вам за торт.

– Не за что. Мой ресторан называется «Джейс барбекю» – на Мэйн-стрит. Заходи в любое время – у меня лучшая выпечка во всем Маллаби. Барбекю у нас тоже отменное, но тут уж никакой моей заслуги нет. Кстати, твой дед сейчас как раз там. Он каждое утро приходит к нам завтракать.

Эмили двинулась за Джулией к двери.

– А где эта Мэйн-стрит?

Они вышли на крыльцо, и Джулия махнула рукой:

– Дойдешь до конца Шелби-роуд, там свернешь налево, на Догвуд-стрит. Примерно через полмили повернешь направо. Да там не промахнешься.

Джулия двинулась к лестнице, но Эмили остановила ее:

– Джулия, подождите. Вчера вечером я видела на заднем дворе какой-то свет. Вы ничего такого не замечали?

Джулия обернулась:

– Ты уже успела увидеть маллабийские огни?

– Что за маллабийские огни?

Джулия почесала голову и заправила волосы за уши, как будто обдумывая, что сказать.

– Это такие белые огни, которые иногда мелькают в здешних лесах и на полях. Некоторые утверждают, что это призрак, который обитает в городе. Это всего лишь еще одна местная странность, – сообщила она таким тоном, как будто этих странностей было много. – Просто не обращай на них внимания, и они исчезнут.

Эмили кивнула.

Джулия снова двинулась к лестнице, но остановилась спиной к Эмили. Потом наконец обернулась и сказала:

– Послушай, если я вдруг тебе понадобится, я тут неподалеку, во всяком случае в ближайших шесть месяцев. К этому городу нужно привыкнуть. Поверь мне, я знаю, что говорю.

Эмили улыбнулась и почувствовала, что ее немного отпустило.

³ «Амнести интернешнл» – международная независимая правозащитная организация, специализирующаяся на защите прав политических заключенных и узников совести; «Оксфам» – Оксфордский комитет помощи голодающим и пострадавшим от стихийных бедствий в различных странах; «Нейчур консерванси» – независимая общественная организация по охране природы.

– Спасибо.

Недолго думая, Эмили решила отправиться на Мэйн-стрит, поздороваться с дедом. Неплохо будет, решила она, прогуляться вместе до дома, завести какие-то общие традиции. Он, судя по всему, давно уже жил один и, наверное, просто растерялся, не понимая, что с ней делать. «Эмили, не жди, пока мир изменится, – любила повторять мама, иной раз с раздражением в голосе. – Меняй его сама!»

Наверное, она так и не оправдала маминых ожиданий. В ней не было ни маминой пылкости, ни ее отваги, ни напористости. Эмили была осмотрительной, в то время как ее мать готова была прийти на помощь первому встречному. Сравнение определенно было не в ее пользу. Эмили всегда благоговела перед матерью, но та никого не подпускала к себе близко. Далси стремилась помогать другим, но сама ни от кого помощи не принимала.

Мэйн-стрит девочка отыскала без труда. Как Джулия и сказала, пройти мимо было невозможно. Едва она свернула с Догвуд-стрит, как оказалась перед громадной вывеской, возвещавшей о том, что она находится на «исторической Мэйн-стрит». Улица была длинная и красивая, совсем не похожая на те уютные улочки, по которым она сюда добиралась. Сначала Эмили шла мимо величественных кирпичных особняков в федеральном стиле, которые подступали к тротуару практически вплотную. Вдоль противоположной стороны улицы тянулся парк с летней эстрадой, увенчанной хорошеньким серебристым флюгером в виде полумесяца. За особняками и парком начинались деловые кварталы с многочисленными сувенирными лавками и ресторанчиками, мирно соседствующими друг с другом в старых кирпичных домах. Эмили едва прошла до середины улицы и уже насчитала семь ресторанов барбекю. Семь! Очевидно, они и были источником запаха, который окутывал город, точно покрывало. Из-за некоторых ресторанов клубами поднимался сладковатый древесный дым.

Вокруг бродили толпы туристов, очарованных, как и она, старомодной красотой Маллаби. На тротуарах было не протолкнуться. Эмили не ожидала, что в такое раннее время в городе может быть так людно. Она вертела головой по сторонам, но «Джейс барбекю» все не было и не было, и ее вдруг ни с того ни с сего охватила паника. Только что она шагала по улице, чувствуя себя счастливой и полной сил, а в следующее мгновение у нее потемнело в глазах от ужаса, что она не сможет найти ресторан, который ищет. Вдруг Джулия ошиблась и бабушка Вэнс где-нибудь в другом месте? Вдруг она не найдет дорогу домой?

У нее закружилась голова. Она словно оказалась под толщей воды, в ушах, как всегда в такие мгновения, зазвенело, перед глазами замелькали разноцветные мухи.

Эти панические атаки начались после того, как не стало матери. Скрывать их от Мерри, лучшей маминой подруги, у которой Эмили прожила последние четыре месяца, было совсем не сложно. Надо было лишь закрыться у себя в комнате. Да и в школе учителя сквозь пальцы смотрели на ее отсутствие, когда она отсиживалась на полу у раковин в девчоночьем туалете, судорожно хватая ртом воздух, вместо того чтобы идти на урок.

Вдоль тротуаров Мэйн-стрит тянулись скамьи. Эмили кое-как добралась до ближайшей и села. Все тело было в липкой испарине. Она не позволит себе потерять сознание. Не позволит.

Эмили наклонилась вперед, прижалась грудью к коленям и свесила голову вниз. «Длина бедренной кости коррелирует с ростом», – всплыла ни с того ни с сего в голове случайная фраза с уроков анатомии.

Внезапно на асфальте возле нее остановилась пара дорогих мужских мокасин.

Она медленно подняла голову. Перед ней стоял парень примерно ее возраста в белом льняном костюме. Руки он небрежно сунул в карманы брюк, отчего полы пиджака сбились назад. На шее у него красовался алый галстук-бабочка, а темные волосы колечками завивались вокруг накрахмаленного воротничка. Он был красив какой-то породистой красотой, как будто сошел со страниц пьес Теннесси Уильямса. Эмили вдруг застеснялась своего вида. По сравне-

нию с ним она в своих шортах и майке-борцовке словно только что выскочила из спортивного зала.

Сначала он ничего не говорил, лишь молча смотрел на нее. Потом наконец спросил, как будто против воли:

– У тебя все в порядке?

Она ничего не понимала. Все, с кем Эмили пока что здесь сталкивалась, вели себя так, как будто иметь с ней дело почему-то опасно. Она сделала глубокий вдох и почувствовала, как в мозг хлынула волна кислорода.

– Все нормально, спасибо, – произнесла она вслух.

– Тебе плохо?

– Просто голова закружилась.

Она посмотрела на свои ноги в кроссовках и коротких носках, и они вдруг показались ей до странности чужими. «Носки высотой по щиколотку не допускаются. Носки должны доходить до середины икры либо до колена». Так было написано в памятке для учениц школы «Роксли». Эмили училась там с первого класса. Ее мама приложила руку к основанию этой школы, которая должна была открыть девушкам дорогу в мир, приобщить их к общественной и благотворительной деятельности.

Молчание. Эмили снова вскинула голову. Парня и след простыл. Может, у нее приключилась галлюцинация? Может, она просто выдумала себе воплощение южанина, чтобы хоть как-то примириться с окружающей обстановкой? Через несколько минут она уткнулась локтями в колени и слегка распрямилась.

Кто-то опустил на скамью рядом с ней, и на нее повеяло слабым свежим запахом одеколлона. Послышался щелчок открываемой алюминиевой банки, и она, вздрогнув, выпрямилась.

Молодой человек в белом льняном костюме вернулся и теперь сидел рядом с ней, протягивая ей банку кока-колы.

– На, – сказал он. – Держи.

Она взяла банку дрожащей рукой и сделала большой глоток. Напиток оказался холодным, сладким и таким шипучим, что у нее защипало язык. Эмили не помнила, когда ей последний раз было так вкусно. Она просто не могла оторваться. Банка опустела в два счета.

Допив и переведя дух, она закрыла глаза и прижала холодную жестянку ко лбу. Сколько времени прошло с тех пор, как она вообще что-то пила? Кажется, задолго до того, как вчера села на автобус в Бостоне.

Зашуршала бумага.

– Не пугайся, – предупредил парень, и Эмили почувствовала, как к ее затылку прижалось что-то холодное.

Вернее, ледяное. Она схватилась за шею, накрыв его руку своей ладонью:

– Что это?

– Фруктовый лед, если не ошибаюсь, – отозвался он, отклоняясь назад, чтобы взглянуть. – Это было первое, что попало мне под руку в магазине.

Впервые за все время Эмили заметила, что они сидят напротив нарочито старомодного магазинчика, именуемого «Универсальный магазин Зима». Дверь была приоткрыта, и Эмили разглядела рядом с кассой большие бочонки с конфетами и заднюю стену, увешанную жестяными винтажными табличками с рекламой.

– Он рассчитан главным образом на туристов, так что я сто лет туда не заглядывал, – продолжал парень. – Но там по-прежнему пахнет корицей и мастикой. Прием! Как ты себя чувствуешь?

Звук его голоса вывел ее из задумчивости, и она вдруг поняла, что он сидит к ней почти вплотную – она смогла даже разглядеть черную кайму, которой были обведены его изумрудно-зеленые зрачки. Эмили охватило странное ощущение, что она *чувствует* его – ощу-

щает какую-то энергию, исходящую от него, точно жар от огня. Он был такой странный и славный. На миг она полностью подпала под его очарование. До нее не сразу дошло, что она сидит и тарашится на него во все глаза, а ее рука по-прежнему лежит поверх его руки на ее шее. Она медленно убрала руку и отодвинулась:

– Уже все в порядке. Спасибо.

Он снял фруктовый лед с ее шеи и протянул ей, но она покачала головой. Он пожал плечами и разорвал обертку. Откусив кусок, он откинулся на спинку скамьи, положил ногу на ногу и принялся разглядывать витрину магазина. Эмили почти пожалела, что не взяла мороженое. Выглядело оно восхитительно: прохладная ванильная сердцевина и яркая апельсиновая оболочка.

– Я – Эмили Бенедикт, – представилась она, протягивая руку.

Он не повернулся к ней и не пожал руку.

– Я знаю, кто ты такая.

Он откусил еще мороженого.

Эмили уронила руку.

– Да?

– Я – Вин Коффи. Логан Коффи был моим дядей.

Она озадаченно посмотрела на него. Судя по всему, он полагал, что это имя должно что-то для нее значить.

– Я только что сюда переехала.

– Разве твоя мать тебе не рассказывала?

Мама? При чем здесь ее мама?

– О чем?

В конце концов он все-таки к ней повернулся:

– Господи боже мой! Ты в самом деле ничего не знаешь?

– Чего я не знаю?

Все это начинало ее тревожить.

Он ответил ей пугающе долгим взглядом.

– Ничего, – произнес он наконец и, отправив в урну остатки мороженого, поднялся. – Если ты не настолько хорошо себя чувствуешь, чтобы вернуться домой самостоятельно, я могу вызвать нашего водителя, он тебя отвезет.

– Я справлюсь. – Она приподняла руку с пустой банкой. – Спасибо за кока-колу.

Он поколебался:

– Прости, что отказался пожать тебе руку. Я был не прав.

Вин протянул руку, и она, совершенно сбита с толку, пожалала ее. Ладонь у него оказалась потрясающе теплой, и у Эмили вдруг возникло такое чувство, как будто он чем-то ее опутал. Ощущение определенно не было неприятным, просто странным.

Он отпустил ее руку и зашагал прочь. Она проводила его взглядом. В косых лучах утреннего летнего солнца его кожа казалась золотистой. И вообще, он весь был такой живой, такой сияющий.

Она не сразу смогла отвести от него взгляд.

– Эмили?

Она обернулась и увидела, что к ней приближается ее великан-дед с бумажным пакетом в руке. Люди расступались перед ним, глядя на него с благоговением. Он изо всех сил старался делать вид, будто не замечает этих взглядов, но его громадные плечи были ссутулены, как будто он пытался казаться меньше.

Она поднялась и бросила пустую банку в урну. Вэнс остановился перед ней:

– Что ты здесь делаешь?

– Я хотела встретить тебя, чтобы вместе пройтись до дома.

Выражение его лица было практически непроницаемо, но если бы Эмили попросили высказать свое предположение, она сказала бы, что ее ответ его опечалил. Она пришла в ужас.

– Прости, – поспешно произнесла она. – Я не хотела...

– Ты сейчас с Вином Коффи разговаривала?

– Ты его знаешь?

Вэнс устремил взгляд вдаль. Эмили перестала различать Вина, но дед с высоты своего роста вполне мог его видеть.

– Да, я его знаю, – произнес он наконец. – Идем домой.

– Прости, дедушка Вэнс.

– Не надо извиняться, девочка. Ты не сделала ничего дурного. Вот, я взял тебе сэндвич с яйцом.

Он протянул ей пакет.

– Спасибо.

Дед кивнул и, обняв ее за плечо своей невероятно длинной рукой, молча повел домой.

Глава 3

– Ни за что не догадаешься, кого я сегодня встретил, – произнес Вин Коффи.

Он стоял перед большим окном в гостиной и смотрел, как серая тьма поглощает розовые отблески вечерней зари.

По белому мраморному полу вестибюля процокали каблуки, и Вин увидел в оконном стекле отражение матери – она вошла в комнату в сопровождении его младшей сестры. Мама опустилась на диван рядом с отцом, а сестра пересекла комнату и устроилась на маленьком канапе.

Отец Вина, Морган, свернул газету, которую читал, и отложил в сторону. Он снял очки и устремил взгляд на Вина, а не на жену. Родители Вина давным-давно уже не смотрели друг на друга по-настоящему. Казалось, они стали друг для друга призраками, маячащими где-то на краю восприятия.

– И кого же?

Точно по расписанию поехали вниз автоматические ставни на окнах. Вин подождал, пока ставни не опустились полностью, скрыв от него улицу, потом обернулся. Комната пахла холодными апельсинами и была заставлена антикварной мебелью – высокими комодами в федеральном стиле и диванами с элегантной серо-голубой обивкой в цветочек. Все здесь было такое старое, такое привычное. Ничто никогда не менялось.

– Эмили Бенедикт.

Имя возымело мгновенный эффект. Отцовский гнев был внезапным и осязаемым. Даже в воздухе закрутились горячие вихри.

Вин выдержал отцовский взгляд молча, не опустил глаза. Этому он научился у самого Моргана. В последнее время эти их безмолвные схватки стали настолько частыми, что вошли в привычку.

– Вин, ты же знаешь, что мой брат сейчас был бы жив, если бы не ее мать, – глухо отозвался Морган. – И никто не раскрыл бы наш секрет.

– Ни один человек в городе ни слова не сказал о той ночи, – спокойно напомнил Вин.

– Но они знают. Теперь мы у них в руках. – Морган ткнул в сторону Вина очками. – Кто-то, а ты должен быть зол, ведь ты принадлежишь к первому поколению, выросшему среди людей, которые все о тебе знали и которые смотрели на тебя по-иному.

Вин вздохнул. Это было выше отцовского понимания. Вин не был зол. Если он что-то и чувствовал, это досаду. Если все знают, почему никто об этом не говорит? Почему его родные до сих пор не выходят за порог после захода солнца? Почему упорно цепляются за традиции, которые просто-напросто утратили всякий смысл? Если люди смотрят на Вина по-иному, то именно из-за этого, а не из-за истории со странным недугом, которым страдают Коффи и проявление которого видели всего однажды, да и то двадцать с лишним лет назад. Кто станет утверждать, что за это время все не могло перемениться? Никто даже не пытался.

– Мне кажется, Эмили ничего не знает, – сказал Вин. – По-моему, мать ничего ей не рассказала.

– Довольно, – отрезал отец. – Не важно, что тебе кажется. Довольно. Эмили Бенедикт – запретная тема, и точка.

В гостиную вошла горничная в белом платье с фартуком. На подносе она несла серебряный чайный сервиз. Морган бросил на сына предостерегающий взгляд, чтобы молчал. Они и между собой-то этот вопрос обсуждали нечасто – порой Вину даже казалось, что его мать обо всем забыла и от этого ей живется только счастливей, – но в присутствии прислуги об этом не говорили вообще никогда.

Вин развернулся и подошел к своей сестре Кайли, сидевшей в дальнем углу. Она вытаскивала телефон и набирала кому-то сообщение. Это время в доме Коффи традиционно отводилось чтению – на закате, прямо перед ужином. То была старая семейная традиция, уходящая корнями в глубь веков, позволяющая как-то упорядочить вечернее время, которое все они из-за своей тайны вынуждены были проводить в стенах дома даже в такие восхитительные летние вечера, как этот. Вин не видел в этом никакого смысла, ему до смерти хотелось вырваться наружу. За многие месяцы дом успел засесть у него в печенках. Он не хотел больше скрываться, как будто с ним что-то не так.

Он присел рядом с сестрой и несколько минут наблюдал, как она старательно его игнорирует. Вин был почти на два года старше Кайли, и в детстве она повсюду ходила за ним хвостиком. Теперь ей было без малого шестнадцать, и она по-прежнему ходила за ним по пятам – то ли чтобы позлить брата, то ли чтобы защитить. Вин не знал точно и не был уверен, что она сама это знает.

– Не испытывай его терпение, – посоветовала Кайли. – На твоём месте я бы держалась от этой девицы как можно дальше.

– Врага надо знать в лицо.

Собственная одержимость Эмили с ее пушистыми светлыми волосами и угловатым лицом и телом тревожила его. Когда утром он пожал ей руку, ему не хотелось ее выпускать. В ней чувствовалась какая-то уязвимость, незащищённость, скрытая за этой угловатостью. Он весь день не мог выкинуть ее из головы. То, что дочь Далси Шелби появилась в городе именно в то время, когда он начал тяготиться тем образом жизни, который избрала для себя его семья, не могло быть случайным совпадением. Может, это знак?

Точно. Так оно и есть.

Это знак.

– Я сегодня вечером опять уйду, – произнес он внезапно. – Не говори ничего папе. И не ходи за мной.

– И что ты все никак не успокоишься? – Кайли закатила глаза. – Поверь моему опыту, это вовсе не так уж и здорово.

– Что?

– Быть как все.

– Джулия! Будь другом, открой дверь! – послышался снизу голос Стеллы.

Джулия открыла духовку и нахмурилась. Это была вторая ее попытка освоить печенье мадлен, и она оказалась ничуть не более успешной, чем первая.

– Джулия! – не унималась Стелла. – Это Соьер, а я в ванне!

Джулия вздохнула. Сегодня она уже один раз виделась с Соьером. Этого более чем достаточно. Если она хочет выбраться из Маллаби без потерь, главное – не иметь с ним никаких дел.

Джулия обтерла руки о джинсы и, громко топая, чтобы позлить Стеллу, начала спускаться на первый этаж: ванная Стеллы располагалась прямо под лестницей. Сквозь прозрачные шторы в окошечке входной двери виднелся темный силуэт, подсвеченный фонарем над крыльцом.

Набрав полную грудь воздуха, Джулия открыла дверь и с облегчением улыбнулась, увидев, кто пришел.

Эмили переступила с ноги на ногу. На ней были все те же черные шорты и черная майка, в которых она ходила утром. Непокорные светлые волосы в свете лампы сияли, точно меренга.

– Привет, Джулия, – поздоровалась девочка. – Я не помешала?

– Нет, что ты.

Джулия отступила назад и знаком пригласила Эмили войти. Конечно, она сама сказала девочке, что та может обращаться к ней в любой момент, но не ожидала, что этот момент

настанет так скоро. Однако при виде того, как гостя принялась смущенно оглядываться по сторонам, сердце у нее защемило от жалости. Нелегко быть чужаком, в особенности когда это не твой выбор.

– У вас очень милый дом, – заметила Эмили.

Та часть дома, которую занимала Стелла, благодаря декораторским усилиям ее матери выглядела уютно и стильно – золотистый деревянный пол, композиции из живых цветов, оригинальные картины на стенах и полосатый диван с шелковой обивкой, на который Стелла никому не разрешала садиться.

– Он не мой. Он принадлежит моей подруге Стелле. Я снимаю квартиру на втором этаже.

Словно почувствовав, что о ней говорят, Стелла закричала из-за двери ванной:

– Сойер, привет! На мне нет ничего, кроме пены! Не хочешь взглянуть?

– Это не Сойер! – крикнула ей в ответ Джулия. – Зачем ты забралась в ванну, если знала, что он должен прийти? Вылезай давай, пока не сморщилась совсем, как черносливина.

Брови Эмили поползли вверх, и Джулия пожала плечами:

– В этом вся Стелла. Не спрашивай. Пойдем, я покажу тебе свою часть дома.

Она двинулась по ступеням, знаком пригласив Эмили за собой.

На лестничной площадке Джулия вынуждена была отступить в узенький коридорчик, чтобы Эмили могла войти, потом протянула мимо нее руку и закрыла дверь.

– Подожди, сейчас только плиту выключу, – бросила она, направляясь в крохотную кухню, бывшую спальню.

Там царил атмосфера возбуждения и волшебства. В воздухе до сих пор не развеялись завихрения мельчайших частиц сахара и муки, похожие на хвосты воздушных змеев. А еще в кухне пахло – пахло надеждой. Такие запахи приводят людей домой. Сегодня это был уютный запах распущенного на огне сливочного масла и бодрящий – лимонной цедры.

Окно в кухне было распахнуто настежь – Джулия всегда пекла с открытым окном. Какой смысл закупоривать запах? Призыв должен был достигнуть адресата.

– Что вы печете? – спросила с порога кухни Эмили, пока Джулия возилась с плитой.

– Я экспериментирую с рецептами дома, прежде чем подавать что-то в ресторане. Эти печенья пока что недотягивают до приемлемого уровня. – Джулия подцепила с противня одну штучку. – Видишь? Это мадленки, они должны быть отчетливо выпуклыми с этой стороны. А у меня получаются слишком плоские. Думаю, я недостаточно долго охлаждала масло. – Она взяла Эмили за руку и положила ей на ладонь маленькую бисквитную ракушку. – Французы подают печенье мадлен именно так, волнистой поверхностью вниз, на манер лодочки. А у нас в Америке предпочитают подавать наоборот, ребристой стороной вверх. Вот так. – Она перевернула печенье. – Попробуй.

Эмили откусила кусочек и улыбнулась. Прикрыв рот рукой, она с набитым ртом прошамкала:

– Вы потрясающе готовите.

– Практика, практика и еще раз практика. Я с шестнадцати лет пеку.

– Классно, наверное, иметь такой талант.

Джулия пожала плечами:

– В этом нет моей заслуги. Я получила его от одного человека.

Временами ее выводило из себя, что она никогда не обнаружила бы в себе этот талант самостоятельно и что ее истинное предназначение открыл для нее другой человек. Ей приходилось снова и снова напоминать себе: не важно, каким образом она пришла к этому, важно то, на что она употребила свой дар, та любовь, которую он порождал, – вот что важно. Эмили явно собиралась уточнить, что Джулия имела в виду, поэтому та поспешно спросила:

– Ну как тебе твой первый полный день здесь?

Эмили сунула в рот остаток печенья и какое-то время была занята пережевыванием, потом произнесла:

– Я не очень понимаю одну вещь.

Джулия скрестила руки на груди и прислонилась к допотопному серо-зеленому холодильнику.

– Что это за вещь?

– Почему моя мама уехала отсюда? Почему не общалась ни с кем из здешних? У нее что, не было друзей? Какая она была?

Джулия опешила от неожиданности. Эмили многое предстояло узнать об этом городке и о том, что натворила ее мать. Впрочем, она, Джулия, рассказывать ей об этом точно не собиралась.

– Как я уже говорила, я не слишком хорошо ее знала, – тщательно подбирая слова, начала она. – Мы вращались в разных кругах, к тому же у меня тогда своих проблем хватало. Ты еще не поговорила с дедом? Это его ты должна спрашивать.

– Нет. – Эмили убрала со лба прядь коротких пушистых волос. Все в ней казалось до боли искренним. – Он весь день прячется у себя в комнате. Они что, с мамой не ладили? Вы думаете, она поэтому не хотела сюда возвращаться?

– Нет, я не думаю, что причина в этом. С Вэнсом невозможно не ладить. Присядь-ка.

Джулия обняла Эмили за плечи и повела из спальни-кухни в спальню-гостиную. В этой комнате располагалась единственная по-настоящему красивая вещь в ее квартире – яркосиний двухместный диванчик, который подарила ей мать Стеллы; до того как переехать сюда, он стоял у нее в салоне в демонстрационном зале. Кроме него, в комнате имелся телевизор и колченогая этажерка, забитая сковородами и кастрюлями, которым не нашлось места в кухне. Когда Джулия переезжала сюда, большую часть вещей она оставила на складе в Балтиморе, с собой взяла только одежду да кухонную утварь, так что смотреть в квартире было толком не на что. Вся обстановка была незатейливой и спартанской, и это вполне ее устраивало. Смысла наводить уют все равно не было. Они уселись на диван, и Джулия продолжила:

– Единственное, что я могу тебе рассказать, это что твоя мама была самой красивой и популярной девушкой в школе. Казалось, это не требовало от нее никаких усилий. Идеальная одежда. Идеальная прическа. Непокколебимая уверенность в себе. Она состояла в группе, именовавшей себя «Сассафрасс»; в нее входили девушки из состоятельных семей. Я к их числу не относилась.

– Моя мама была популярной? – Эмили была ошарашена. – У дедушки Вэнса были деньги?

В дверь постучали.

– Прошу прощения. – Джулия поднялась с места.

Она не сомневалась, что это Стелла, поэтому вздрогнула всем телом, когда в открытую дверь повеяло запахом свежескошенной травы и на пороге показался Сойер.

– Я принес пиццу, – с улыбкой произнес он. – Спускайся.

Что-то определенно было не так. За предыдущие полтора года их со Стеллой вечерних посиделок по четвергам Сойер ни разу не приглашал Джулию к ним присоединиться.

– Спасибо, но я не могу.

Она отступила на шаг назад и собралась захлопнуть дверь.

Он склонил голову набок:

– Не знай я тебя лучше, я бы подумал, что ты смущена.

– Смущена? – вскинулась Джулия немедленно. – И чем же?

– Тем, что я теперь в курсе, что ты все это время пекла свои торты для меня.

Она фыркнула:

– Я никогда не говорила, что пекла для тебя. Я сказала, что начала печь из-за тебя.

– Значит, ты все-таки это сказала.

Джулия твердо выдержала его взгляд. Да, она это сказала. И это была правда, как бы сильно ей ни хотелось, чтобы это было не так. В ту их единственную в жизни ночь, когда они лежали рядышком на школьном стадионе, глядя в звездное небо, подобного которому она не видела ни до, ни после того, он рассказал ей, как в детстве летними вечерами его мать пекла пироги и он, где бы ни находился, мгновенно возвращался домой, словно сахарная пудра долетала до него путеводным облачком, подобно пыльце на крыльях ветра. Он ее чувствовал, утверждал он. Он ее видел.

Выпечка обладала способностью призывать. Об этом Джулия узнала от него.

– Вообще-то, если я правильно помню, я сказала, что начала печь из-за таких людей, как ты, – произнесла она наконец вслух. – Можно сказать, ты – мой целевой потребитель.

Похоже, он ей не поверил. Но все равно улыбнулся:

– Неплохо выкрутилась.

– Благодарю.

Сойер устремил взгляд поверх ее головы. Он ни разу не был в ее квартире, и сейчас она тоже не собиралась его приглашать. Сойер вырос в достатке, а она – нет. Но обстановка ее балтиморской квартиры была стильной – этаким авангард с налетом богемности. Там была та Джулия, которой она стала. А здесь – нет. Ей не хотелось, чтобы он это видел.

– У тебя вкусно пахнет, – заметил он. – Я бы с удовольствием поселился на твоей кухне.

– Ты там не поместишься. К тому же я пеку только по четвергам.

– Я знаю. Стелла рассказала мне, когда ты только к ней перебралась. Почему, как ты думаешь, я всегда прихожу сюда по четвергам?

Она даже не подозревала об этом. Он хорошо конспирировался.

– Я не могу присоединиться к вам, потому что у меня гости. Желаю вам со Стеллой весело провести время.

Она захлопнула дверь и привалилась к ней спиной, выдохнув с облегчением. Но миг спустя до нее дошло: она не слышала, чтобы Сойер спустился по лестнице. Джулия повернула голову и приложила ухо к двери. Он что, так там и стоит? Наконец до нее донесся какой-то шорох, и под его ногами заскрипели ступеньки.

Джулия заставила себя отлепиться от двери и вернуться в гостиную.

– Извини.

– Если вы заняты, я могу прийти в другой раз, – сказала Эмили.

– Не говори глупостей.

– Значит, мою маму все любили, если она была так популярна?

Джулия заколебалась, но не успела она заговорить вновь, как в дверь опять постучали.

– Прости еще раз.

– Кто там у тебя? – осведомилась Стелла, когда Джулия открыла ей дверь.

У Стеллы было широкое экзотическое лицо с миндалевидными глазами и прямыми темными бровями. Приняв ванну, она облачилась в кимоно, а свои темные волосы скрутила в узел, но несколько влажных прядок выбились из прически и змеились по шее.

– Сойер сказал, у тебя гости. Ты с кем-то встречаешься? И ничего мне не сказала?! Кто он?

– Это не твое дело, – ответила Джулия, чтобы позлить Стеллу.

Зачем она доложила Сойеру про выпечку? И вообще, какое право Стелла имеет в чем-то упрекать Джулию, когда сама три года назад переспала с Сойером, а ей так об этом и не рассказала?

Она захлопнула дверь, но не успела вернуться в гостиную, как снова раздался стук. На этот раз непрерывный. Стелла разошлась не на шутку.

– Она не успокоится, пока не увидит тебя, – сказала Джулия Эмили. – Ты не против?

Эмили, похоже, не возражала, и они вместе вышли в коридор.

Не успела Джулия снова открыть дверь, как Стелла заявила:

– Я не уйду, пока ты не...

И осеклась, когда увидела стоящую рядом с ней девочку.

– Это внучка Вэнса Шелби, – представила ее Джулия. – Эмили, это Стелла Феррис.

Стелла утратила дар речи.

– Эмили заглянула ко мне, потому что хотела узнать, какой была ее мать, когда жила здесь.

Стелла быстро оправилась от шока:

– Что ж, Эмили, очень рада с тобой познакомиться. Мы с Сойером были дружны с твоей мамой. Спускайтесь, у нас там внизу пицца. Я достану мои школьные альбомы.

Стелла отступила в сторону, и Эмили без колебаний вприпрыжку сбежала с лестницы. Глядя на ее изящное личико и высокую гибкую фигуру, легко было забыть, что на самом деле она совсем еще девчонка – пока она не выкидывала что-нибудь подобное.

Прежде чем Стелла успела двинуться за ней следом, Джулия ухватила ее за рукав кимоно.

– Ни слова о том, что сделала ее мать.

– Ты что? – Стелла явно оскорбилась. – Я же не людоед.

Эмили с нетерпением ждала, когда они спустятся. Очтившись внизу, Стелла повела их в кухню. Полы ее кимоно драматически развевались на ходу.

Сойер стоял к ним спиной и смотрел в окно. Руки он держал в карманах. Услышав шаги, он обернулся. При виде Эмили брови у него взлетели вверх.

– И кто эта прелестная юная барышня? – осведомился он галантно.

В том, как они со Стеллой вели себя с незнакомыми людьми, была какая-то врожденная учтивость, что-то неуловимое, выдававшее их происхождение.

– Вот кто был в гостях у Джулии, Сойер, так что можешь прекращать дуться. Это Эмили, дочь Далси Шелби, – многозначительно произнесла Стелла.

Если это и стало для Сойера неожиданностью, он не растерялся.

– Очень приятно. – Сойер протянул руку, и Эмили пожалала ее.

Более того, при этом она негромко хихикнула, хотя Джулии казалось, что она не из тех, кто хихикает по поводу и без повода.

– Давайте есть пиццу, пока не остыла, – добавил Сойер. – Джулия?

Он подошел к кухонному столу и отодвинул для нее стул, не оставляя никакого выбора.

Стелла выставила на стол напитки и разложила бумажные салфетки, и все четверо без церемоний принялись поедать вегетарианскую пиццу прямо из коробки. Джулия ела торопливо, рассчитывая поскорее разделаться с пиццей и уйти. Сойер вел себя непринужденно и улыбался ей такой многозначительной улыбкой, как будто видел ее насквозь. Стелла в своем кимоно восседала за столом с таким видом, словно на ней был костюм от Диора. А Эмили взирала на них троих с таким выражением, точно они были подарками, которые ей только предстояло развернуть.

– Значит, вы оба знали мою маму? – наконец спросила она, как будто не могла больше сдерживаться.

– Да, и очень хорошо, – подтвердила Стелла. – Мы с Далси принадлежали к одной тесной группе друзей.

– К «Сассафрассу»?

– К нему самому. А Сойер встречался с одной девушкой по имени Холли, она тоже состояла в этой группе, так что он входил в число наших почетных пажей.

– А с Джулией вы не дружили?

– Я тогда вообще ни с кем не дружила, – сказала Джулия.

Эмили с любопытством посмотрела на нее. На верхней губе у нее был томатный соус. Джулия улыбнулась и протянула ей салфетку.

– Почему? – спросила Эмили, вытирая рот.

– Подростком быть нелегко. Мы все это знаем. Девушки из «Сассафрасса» создавали иллюзию того, что это просто. А я была отражением неприглядной действительности.

– А чем занимались те, кто состоял в «Сассафрассе»? – поинтересовалась Эмили. – Общественной работой? Собирали деньги на благотворительные цели?

Стелла расхохоталась:

– Нет, наша группа была не из таких. Погоди, я схожу за альбомами.

Она бросила корку от пиццы в коробку и вышла из кухни. Вскоре Стелла вернулась; пожалуй, кроме нее, на всем белом свете едва ли нашелся бы другой человек, который точно помнил, где хранятся его школьные альбомы, и способен был найти их, не перерывая шкафы и не звоня родителям.

– Вот. – Она положила на стол перед Эмили зеленый с серебром альбом с вытисненным на обложке девизом «Дом бойцовых кошек!» и раскрыла его. – Это и есть «Сассафрасс»; твоя мама в центре, разумеется. Каждое утро перед занятиями мы устраивали заседания на парадном крыльце школы. А это твоя мама на вечере встречи выпускников. А тут она королева выпускного бала. А это Соьер в составе футбольной команды.

– Я нечасто выходил на поле. – Соьер покачал головой.

Стелла стрельнула в его сторону глазами:

– Это потому что ты боялся попортить свою смазливую мордашку.

– Чем не уважительная причина?

Стелла перевернула страницу:

– А вот и Джулия.

На фотографии девочка-подросток в одиночестве ела свой обед на верхнем ярусе трибун стадиона. Это была вотчина Джулии. Перед школой, в обеденный перерыв, когда она прогуливала уроки... Иногда даже по ночам она находила здесь убежище.

– Ничего себе, какие у вас были длинные волосы! Да еще и розовые! – Эмили присмотрелась к фотографии повнимательнее. – Вы красили губы черной помадой?

– Да.

– Тогда никто не знал, что думать о Джулии, – сказала Стелла.

– Я никому ничего плохого не делала. – Джулия с улыбкой покачала головой.

– Другим людям – возможно, – пробормотал Соьер, и Джулия машинально натянула рукава еще ниже на запястья.

– После второго года учебы отец Джулии отправил ее в интернат, – сказала Эмили Стелла, и Джулия очнулась от своих мыслей. – Ее не было в городе долгое время. А когда она вернулась, ее никто не узнал.

– Я узнал, – возразил Соьер.

– Ну еще бы ты ее не узнал! – Стелла закатила глаза.

Эмили принялась разглядывать альбом, перелистывая страницы и останавливаясь всякий раз, когда натыкалась на очередное фото матери.

– Смотрите! – воскликнула она. – Тут у мамы на руке браслет! Вот этот!

Эмили продемонстрировала им запястье.

Джулия поймала себя на том, что не может отвести глаз от профиля девочки, чувствуя, как знакомо сжимается сердце. Не думая, она протянула руку и убрала прядь волос, упавшую Эмили на глаза. Та, похоже, этого даже не заметила, но когда Джулия отвела взгляд, то обнаружила, что Стелла с Соьером таращатся на нее с таким выражением, как будто у нее только что выросла еще одна голова.

– А это кто рядом с мамой? – Эмили указала на элегантного темноволосого юношу в костюме с галстуком-бабочкой. – Он много где рядом с ней.

– Это Логан Коффи, – ответила Джулия.

– Так вот о ком он говорил! – Эмили с улыбкой откинулась на спинку стула. – Я сегодня познакомилась с одним парнем, его зовут Вин Коффи. Он упомянул, что его дядю зовут Логан Коффи, и удивился, что мне это имя ни о чем не говорит.

«Вот черт, – подумала Джулия. – Ничем хорошим закончиться это не может».

– Они с Логаном Коффи встречались?

– Нас всех занимал тот же вопрос. Они с Далси все отрицали, – тщательно подбирая слова, ответила Джулия. – Собственно говоря, он был просто застенчивый и скрытный мальчик, которого твоя мама пыталась выманить из раковины.

– Он до сих пор здесь живет? Как вы думаете, можно мне расспросить его о маме?

Повисло неловкое молчание. Говорить ей об этом не хотелось никому.

– Логан Коффи давным-давно умер, солнышко, – произнесла в конце концов Джулия.

– Ох. – Эмили словно уловила перемену настроения и неохотно отодвинула альбом. – Пожалуй, мне пора домой. Спасибо, что разрешили посмотреть альбом.

Стелла замахала руками:

– Можешь забрать его себе. Это было двадцать фунтов тому назад. Рассматривать эти фотографии – только лишний раз сыпать соль себе на рану.

– Правда?! Спасибо! – Эмили поднялась, и Джулия тоже встала со своего места.

Она проводила девочку до двери, пожелала спокойной ночи и следила за ней, пока Эмили не растворилась в темноте под сенью деревьев в соседнем дворе.

Когда Джулия вернулась, Стелла уже поджидала ее, уперев руки в бока:

– Признавайся, что происходит?

– Ты о чем?

– С чего ты так вокруг нее хлопочешь?

– Вовсе я вокруг нее не хлопочу. – Джулия нахмурилась. – Почему ты так на меня смотришь?

– Просто я от тебя такого не ожидала, вот и все. Да ну, это просто смешно. Кого-кого, а тебя в роли матери представить совершенно невозможно.

Стелла засмеялась было, но осеклась, когда увидела лицо Джулии. Такое ей говорили не первый раз, но от этого было ничуть не легче. Что ж, такова цена, которую приходится платить, когда тебе тридцать шесть, а ты не проявляешь никакого желания ни с кем разделить свою жизнь.

– Ох, я ничего обидного не имела в виду.

Джулия и сама это знала. Как не имели в виду ничего обидного ее друзья в Балтиморе, когда говорили: «Ты слишком дорожишь своей независимостью» или «Ну какая из тебя мать, ты сама круче любого тинейджера».

– Пойдем посидим на крыльце, выпьем вина, – предложила Стелла.

– Нет, спасибо.

– Джулия...

– Я знаю, у тебя тут припрятано что-то вкусненькое, – послышался из кухни голос Сойера, сопровождаемый хлопаньем дверец шкафчиков.

Стелла закатила глаза:

– Он способен отыскать мою заначку шоколада, где бы я ее ни спрятала.

– Выдай ее ему, пока он не отправился обыскивать мою кухню, – посоветовала Джулия, направляясь к лестнице. – У меня много работы.

Вернувшись домой, Эмили вышла на балкон и уселась там с альбомом на коленях. С утра она успела перерыть шкаф и все ящики комода у себя в комнате в поисках... чего-нибудь. Чего-то, что могло бы рассказать о жизни ее матери в этом городке. У нее начали закрадываться странные подозрения – как будто все скрывают от нее нечто такое, чего она не должна знать. Однако единственным свидетельством того, что ее мать когда-то жила здесь, было имя Далси, вырезанное на пыльной крышке сундука в ногах кровати. И ничего больше. Ни фотографий, ни старых писем, ни даже шарфа или забытой сережки. Вот почему Эмили отправилась к Джулии. Поначалу ей было неловко, но теперь она радовалась, что все-таки решилась на это. Альбом оказался настоящим кладом, пусть и породил больше вопросов, чем давал ответов. Одним из принципов школы «Роксли» было полное отсутствие какой бы то ни было кастовой системы, превосходства одних над другими, разделения на лучших и худших. Как ее мама могла быть королевой выпускного бала?!

Далси никогда даже не позволяла дочери ходить по торговым центрам, чтобы не поощрять гонку за вещами. Она любила повторять, что модная одежда не повод для гордости. Поэтому в школе «Роксли», разумеется, была форма. И тем не менее здесь, в этом альбоме, ее мама была снята в самых модных нарядах того времени. И у нее была прическа *из салона*.

Может, она стыдилась того, какой была в юности? Опасалась, что бывшая принадлежность к золотой молодежи может повредить ее репутации женщины из народа?

И все-таки это странная причина, чтобы никогда больше не возвращаться в город своего детства.

Ночную тишину нарушили голоса, доносящиеся с крыльца соседского дома, и Эмили оторвалась от альбома. Послышался женский смех. Зазвенели бокалы.

Сидя за старым садовым столиком, который она расчистила от листьев, Эмили с улыбкой откинулась назад. Звезды казались вплетенными в ветви деревьев, точно рождественские гирлянды. Ее охватило ощущение, что пустота вокруг нее начинает понемногу заполняться. Просто она ехала сюда с завышенными ожиданиями. Да, все не идеально, но уже становится лучше. Она даже завела дружбу с соседями.

Эмили полной грудью вдохнула благоуханный ночной воздух и почувствовала, что ее клонит в сон.

Она собиралась закрыть глаза всего на секундочку.

И практически мгновенно уснула.

Когда Эмили проснулась, было все так же темно. Она поморгала, пытаясь сообразить, который теперь час и сколько времени она проспала.

Опустив глаза, Эмили обнаружила альбом на полу и наклонилась поднять его; заныла затекшая со сна спина. А когда распрямилась, по коже у нее побежали мурашки.

В лесу снова горел огонек! Джулия говорила, что его считают призраком.

Точно пригвожденная к месту, Эмили сидела и смотрела, как он мелькает в зарослях за старой беседкой во дворе бабушки Вэнса. На этот раз, в отличие от прошлой ночи, он не исчез, а продолжал гореть, перемещаясь от дерева к дереву и слегка подрагивая.

Неужели... неужели он наблюдает за ней?

Она торопливо взглянула на соседский дом. Свет не горел ни в одном окне. Кроме нее, вокруг не было ни одной живой души.

Эмили снова посмотрела на огонек. Что же это такое?

Она заставила себя подняться и медленно вернулась в комнату. Там она положила альбом на кровать и немного постояла. Потом вдруг на нее нашло непонятно что, и она внезапно бросилась бежать, топоча босыми пятками по деревянным половицам. На лестничной площадке она немного притормозила, чтобы не шуметь, но, когда лестница и дверь комнаты бабушки Вэнса остались позади, вновь прибавила ходу. Неожиданно на ее пути возникло препятствие

в виде запертой кухонной двери, но, немного повозившись с замком, она все-таки открыла ее и выскочила во двор.

Огонек никуда не исчез! Эмили побежала на него, прямо в чашу за беседкой. Огонек начал стремительно удаляться. Она услышала, как под чьими-то ногами зашуршала листва.

Шум?

Призраки должны передвигаться бесшумно.

После пятиминутной гонки в свете бледной луны по темному лесу, когда низко растущие ветви так и норовили хлестнуть ее по лицу, до нее начало доходить, что она понятия не имеет ни куда бежит, ни где заканчивается лес. Когда огонек внезапно исчез, ей впервые за все время стало по-настоящему не по себе. Во что она ввязалась? Но еще через несколько шагов лес неожиданно кончился. Эмили немного постояла на опушке, пытаясь отдышаться и чувствуя боль в босых ступнях. Она подняла ногу и обнаружила на подошве кровоточащую ранку. Она поранила пятку.

В тишине где-то явственно хлопнула дверь.

Эмили вскинула голову, огляделась и поняла, что очутилась в жилой части Мэйн-стрит и стоит посреди парка, расположенного напротив старых кирпичных особняков. Должно быть, лес, подступавший к заднему двору дедушки Вэнса, огибал соседские участки какими-то безумными зигзагами и выходил сюда, к открытой летней эстраде с флюгером в виде полумесяца. Девочка оглядела улицу, потом снова повернулась к лесу. Но ведь она же видела, что огонек исчез здесь?

Она похромала обратно к дому. Голова шла кругом. Эмили только что посреди ночи гонялась по лесу за призраком. Рассказать кому – не поверят. Она и сама с трудом в это верила, настолько это было не в ее духе.

О том, что парадная дверь заперта, Эмили вспомнила, лишь когда добралась до дома дедушки Вэнса. Пришлось обходить дом сзади. Когда она свернула за угол, впереди что-то блеснуло.

На заднем крыльце горел свет.

По всей видимости, дедушка Вэнс слышал, как она убежала, и теперь ждал ее. Эмили вздохнула. Чтобы заставить его выйти из своей комнаты, ей пришлось сбежать из дома в лес посреди ночи. И как она это ему объяснит? Прихрамывая, она поднялась на крыльцо и едва не наступила на что-то маленькое.

Эмили наклонилась и подняла непонятный предмет с пола. Это оказалась упаковка лейкопластыря.

Ночную тишину нарушил хруст палой листвы. Ахнув, Эмили обернулась и увидела, как белый огонек скрылся в лесу, будто она и не гналась за ним сейчас.

Ей еще только предстояло узнать, что дедушка Вэнс все это время мирно спал у себя в комнате и ничего не слышал.

Глава 4

На следующее утро Вин выглянул из окна своей спальни и увидел Вэнса Шелби, направлявшегося по Мэйн-стрит в сторону делового квартала. С научной точки зрения старик представлял собой любопытный экземпляр. Вин нечасто смотрел на вещи с научной точки зрения. Он научился не ждать ни от кого доказательств, как другие не ждали доказательств от него. Но Вэнс Шелби походил на гигантского богомола на охоте, как будто нарочно созданного природой для того, чтобы хватать и прятать свою добычу, чтобы укрываться от посторонних глаз. Интерес Вина к Эмили ему не понравится. Это было досадно, но поделать тут ничего было нельзя.

– Вин! – послышался из коридора голос отца. – Уже рассвело. Идем.

Вин вышел из комнаты и по длинной мраморной лестнице спустился в вестибюль, где его ждал отец. Несмотря на то что ему часто бывало скучно, он больше не возражал против этих выходов с отцом, во всяком случае не так сильно, как в детстве. Морган Коффи любил с утра пораньше пройтись по улицам, приветствуя туристов и хозяев магазинчиков. С тех пор как сыну исполнилось пять, Морган стал брать его на эти пиар-вылазки с собой – приучал, наверное. Готовил к тому, чего от него ожидали. Каждое утро они отправлялись в новый ресторан, и там Морган болтал со всеми подряд. Вин же просто наслаждался возможностью выбраться из дома как можно раньше, с первыми лучами солнца. И общество отца было не великой ценой за такую возможность.

– Готов? – спросил Морган, когда сын присоединился к нему у двери.

– А если бы я сказал «нет»? – поинтересовался Вин, пока отец открывал дверь.

Морган окинул сына взглядом – от красного галстука-бабочки до мягких туфель-мокасин:

– На вид ты вполне готов.

– Ну, значит, так оно и есть.

Морган сделал глубокий вдох, пытаясь обуздать свой гнев.

– Не надо мне тут умничать, – процедил он.

Вин согласился, что для стычки сейчас еще рановато.

Они зашагали по тротуару. Вэнс исчез – задача для великана нелегкая. Сегодня Морган решил отправиться в закусочную Вельшеля. Когда они вошли, отец быстро оглядел помещение, потом подвел Вина к столику у двери. Морган любил приветствовать людей при входе. Нацеливался на туристов, на тех, кто был ему не знаком. Вин нередко наблюдал за ним с трепетом. Для человека, который, по всей видимости, был вполне доволен своей затворнической жизнью, Морган Коффи с поразительным воодушевлением относился к возможности познакомиться с новыми людьми. Это давало надежду, что в конце концов отец все-таки поймет, почему Вин хочет жить своей жизнью. Может, эти совместные выходы и маскировались под связи с общественностью, но на самом деле целью их было признание.

Вин не знал, сколько они пробыли в закусочной, но, должно быть, не слишком долго, потому что им еще не успели даже принести заказ, когда он увидел ее.

Эмили прошла мимо витрины, глядя прямо перед собой, и солнце светило ей в спину. У нее были длинные руки и ноги – больше от деда она не унаследовала ничего. Вот только там, где Вэнс выглядел непропорционально, Эмили казалась... совершенством.

Вин обернулся посмотреть, не видел ли ее отец. Тот ничего не видел. Морган вообще вышел из-за стола, а Вин даже и не заметил, и теперь пожимал кому-то руку в дальнем конце зала. Вин снова повернулся к окну, глядя, как Эмили удаляется. Потом бросил еще один взгляд на отца, переложил салфетку с коленей на стол, отодвинул свой стул и бесшумно вышел из закусочной.

Держась на расстоянии, он двинулся за Эмили. Она была в шлепанцах, на одной пятке белела полоска лейкопластыря. Эмили остановилась у скамейки напротив «Джейс барбекю», и Вин остановился тоже. Внутрь она входить не стала; интересно почему? В отличие от вчерашнего утра, выглядела она вполне здоровой. Должно быть, просто ждала. Ждала, когда выйдет ее дед. Это было одновременно так искренне и так трогательно, что у Вина защемило сердце.

Когда от Эмили его отделяло два или три дома, она увидела его, но тут сзади к нему подошли Инес и Гарриет Джонс и произнесли хором:

– Привет, Вин!

Он неохотно отвел взгляд от Эмили и повернулся к ним. Инес и Гарриет, две пожилые незамужние сестры, жили на Мэйн-стрит по соседству с особняком Коффи. Они всюду ходили вместе, одевались в одинаковые платья и носили одну сумочку на двоих. Давным-давно, когда Коффи захотели проложить между их домами подъездную дорожку, чтобы можно было подъехать к гаражу на заднем дворе, не делая крюк через соседнюю улицу, сестры Джонс дали свое согласие при условии, что Коффи будут приглашать их на чай каждый третий четверг месяца. С тех пор вот уже более тридцати лет обе престарелые сестры раз в месяц восседали на диване в гостиной у Коффи с четырех до пяти часов вечера.

– Здравствуйте, мисс Джонс. – Он кивнул в сторону Инес. – Мисс Джонс. – Он кивнул в сторону Гарриет.

– Мы видели, как ты поедал глазами ту красоточку, – сообщила Инес.

Вин готов был сквозь землю провалиться. Эмили могла прекрасно слышать каждое слово.

Гарриет неожиданно ахнула и стиснула ее локоть:

– Сестра, ты знаешь, кто это?

– Быть того не может, – отозвалась Инес, зеркальным жестом сжимая руку сестры.

– Да, это она! – подтвердила Гарриет.

– Что привело вас на улицу в столь ранний час? – осведомился Вин, пытаясь переменить тему.

Инес прищелкнула языком:

– Ох, до чего же она похожа на мать, верно?

– Да, вылитая мать.

– Позвольте проводить вас домой, – вмешался Вин. – Я как раз направляюсь в ту сторону.

Он протянул руку, пытаясь увести пожилых дам прочь.

– И как только у ее матери хватило духу отправить ее сюда? – не унималась Инес. – Как так можно с ребенком?

Гарриет покачала головой. Обе дамы бесцеремонно усталились на Эмили.

– Ей никогда не стать здесь своей.

– И как ее дед собирается за ней приглядывать? За ним самим пригляд нужен.

– Не знаю, сестра.

– Дамы, идемте? – Вин снова протянул руку.

– Не уподобляйся своему дяде, Вин. – Инес погрозила ему узловатым пальцем. – Не позволяй смазливой мордашке ввести тебя в заблуждение. Не повторяй его ошибок. Какая трагедия! – Теперь обе сестры взирали на него с жалостью. – Можешь смотреть на нее сколько душе угодно, главное – держись подальше. Мы лично именно так и поступим. Пусть твои родные знают, что мы на их стороне. Верно, сестра?

– Так будет лучше всего.

С этими словами пожилые дамы развернулись и засеменили в сторону дома, продев руку в ручку сумочки каждая со своей стороны, как в хомут.

Вин на мгновение закрыл глаза, прежде чем повернуться к Эмили.

Вид у нее был расстроенный, и он ее не винил.

Он сунул руки в карманы брюк и зашагал к ней, пытаясь держаться небрежно, как ни в чем не бывало.

– Привет еще раз.

Она ничего не ответила. Взгляд ее был прикован к сестрам Джонс, вышагивавшим по тротуару.

Вин про себя выругал старух за бестактность.

– Где твой дедушка? – спросил он, чтобы отвлечь от них ее внимание. – Я видел его сегодня утром.

– Там, внутри. Я его жду.

– Вместо того чтобы зайти и поесть вместе с ним.

– Я не знаю, вдруг он не хочет... В общем, я решила, что лучше подожду здесь. – Эмили окинула Вина взглядом, который должен был быть незаметным, однако от него не укрылся. – Ты всегда ходишь по улицам разодетый в такую рань?

– Это нечто вроде традиции. – Он кивнул в сторону скамейки. – Не возражаешь, если я присяду?

Она пожала плечами.

– Ты откуда? – спросила она, когда он уселся.

Он положил ногу на ногу, пытаясь ничем не выдать свою заинтересованность, не насто- рожить ее. Он умел располагать других к себе легко и непринужденно, но сейчас почему-то чувствовал себя не в своей тарелке. Слишком многое стояло на кону.

– Отсюда. Я здесь родился.

Она замялась, как будто он ответил совсем не на тот вопрос, который она задавала.

– Нет, я имею в виду – вчера и сегодня. Откуда ты здесь взялся?

– А-а. – Он рассмеялся. – Я завтракал с отцом. И вчера тоже. Каждое утро.

– В этом городе что, все ходят завтракать на Мэйн-стрит?

– Не все. Как твоя нога? – поинтересовался он, глядя при этом вовсе не на ее ступню, а прямо в ее искренние голубые глаза.

Эмили оказалась совсем не такой, как он ожидал. Ну просто ничего общего.

– Нога?

– Я вижу, ты повредила пятку.

Она слегка повернула ступню, чтобы взглянуть на залепленную пластырем ранку.

– А, это. Я порезалась, когда бегала босиком по лесу.

– В следующий раз предварительно надевай туфли.

Эмили подозрительно вскинула голову и увидела, что он улыбается.

– Большое спасибо за совет. – Она прищурилась. – Так я и сделаю. А кто эти пожилые дамы, с которыми ты разговаривал?

– Инес и Гарриет Джонс. – Он сокрушенно вздохнул. – Живут в соседнем с нами доме.

– Они про меня говорили?

Вин обдумал несколько вариантов ответа и остановился на простом:

– Да.

– Почему они сказали, что мне никогда не стать здесь своей?

Он покачал головой:

– Если бы у тебя были причины их опасаться, я бы тебе сказал. Честное слово.

– Такое впечатление, что им чем-то насолила моя мать.

Вин стряхнул с рукава несуществующую пылинку. Он знал, что выглядит невозмутимо, но на самом деле сердце у него готово было выскочить из груди.

– Если ты хочешь, чтобы я рассказал тебе эту историю, так и быть, – сказал он и подумал: «Господи, что я ей скажу?» – Думаю, тебе лучше обо всем знать. Впрочем, я не уверен, что это мое дело. Странно, что твоя мама ничего тебе не говорила. Дед-то хоть обмолвился?

– О чем? Они упоминали твоего дядю. Это как-то связано с ним?

– Да. Нас с тобой связывает общее прошлое, тебя и меня. – Он с заговорщицким видом придвинулся к ней поближе. – Просто ты пока об этом не знаешь.

Она с любопытством склонила голову набок:

– Ты говоришь какие-то странные вещи.

– погоди, дальше все будет еще более странно.

Мимо них, цокая каблучками, прошествовала расфуфыренная пожилая женщина в шортах. Вин с Эмили проводили ее взглядом. Она скрылась за дверью «Джейс барбекю». И тут Вин поймал на себе пристальный взгляд Вэнса Шелби. Не то чтобы кто-нибудь мало-мальски с ним знакомый мог его испугаться, однако при мысли о том, что он оказался объектом пристального внимания такого великана, Вину стало немного не по себе. А вдруг Вэнс догадался, что он затеял?

Эмили ничего не заметила, поэтому, когда он поднялся со словами: «Думаю, мне пора», для нее это стало полнейшей неожиданностью.

– Что?! Нет, погоди, ты же обещал мне рассказать эту историю. Про мою маму и твоего дядю.

– В следующий раз обязательно расскажу. Пока, Эмили, – бросил он и зашагал прочь.

Ему большого труда стоило не обернуться на ходу, чтобы не взглянуть на нее еще раз. Когда он не выдержал и все-таки обернулся, уже перед тем как войти в закусочную, где он оставил своего отца, то увидел, что Эмили смотрит ему вслед.

Пути назад не было.

Начало положено.

Она форменным образом заинтригована.

Глава 5

Еще до того, как в ресторан явилась первая четверка посетителей, Джулия покончила с выпечкой и принялась мелом выводить меню на доске. Вэнс Шелби уже пришел и в одиночестве сидел за столом, дожидаясь появления своих всегдашних сотрапезников, таких же стариков, как и он сам. Свой кофе он пил из блюдечка, а не из чашки, потому что блюдце было больше в объёме и не тонуло в его великанской руке. Джулия хотела было подойти к нему, поговорить об Эмили, но передумала. В конце концов, это не ее дело. Ей осталось прожить здесь всего несколько месяцев. Ни к чему во что-то ввязываться. Она будет Эмили другом, пока живет здесь, и постарается помочь девочке устроиться на новом месте. Это все, что она может.

Вэнс смотрел на что-то за окном, и брови у него были сведены к переносице.

Джулия как раз закончила выводить названия десертов, которые были в сегодняшнем меню: торт из шоколадных батончиков «Милки Вэй», торт с орехами пекан, «сигары» с лимонным кремом и миндальное печенье с ванилью и пряностями, – поэтому отложила доску и обернулась посмотреть, что это так сильно заинтересовало Вэнса.

Но тут звякнул дверной колокольчик, и в зал вплыла Беверли Дейл, бывшая мачеха Джулии.

Хорошо хоть не Сойер.

Впрочем, это было немногим лучше.

– Джулия! – воскликнула Беверли, просеменив к стойке в своих белых туфельках на каблуках-рюмочках. – Сто лет тебя не видела! Я все пытаюсь застать тебя здесь, но я ведь не такая ранняя пташка, как ты, знаешь ведь. Вчера вечером я сказала себе: «Беверли, завтра ты встаешь по будильнику и идешь в ресторан, чтобы повидаться с Джулией». И вот она я!

– Поздравляю, – буркнула Джулия.

К счастью, их разделяла барная стойка и Беверли не могла броситься к ней с объятиями. Ее бывшая мачеха так обильно поливалась духами, что запах вполне мог сшибить с ног даже слона.

– Я вижу, ты по-прежнему носишь одежду с длинными рукавами, – покачала головой Беверли. – Бог ты мой! Не представляю, как ты до сих пор не спарилась в такую-то жару.

– Это хлопок. В нем не так уж и жарко.

Джулия натянула рукава еще ниже и зажала манжеты в кулаках.

– Я тебя понимаю. Женщину шрамы не красят. – Беверли перегнулась через стойку и прошептала: – У меня у самой вот здесь, на лбу, есть небольшой шрамик, и я не хочу, чтобы его кто-нибудь видел. Поэтому я каждый раз и прошу Ивонну, мою парикмахершу, так укладывать челку.

Джулия с улыбкой кивнула, дожидаясь, когда ее бывшая мачеха наконец перейдет к цели своего появления.

Когда отец привел в дом Беверли, Джулии было двенадцать. Он тогда сказал дочери, что подумал – в доме нельзя без женщины, она ведь растёт, нужно, чтобы было с кем поговорить о всяких женских делах, – как будто все это затевалось исключительно ради нее. Поначалу Беверли окружала девочку неусыпной заботой. Джулия была совсем крошкой, когда умерла ее мать, и поначалу ей даже казалось, что они втроем очень славно заживут. Потом Беверли и отец Джулии поженились, и порядки в доме мгновенно переменялись. Отцовское внимание неизменно доставалось тому, кто активнее всего его требовал, и этой персоной была Беверли. Сколько бы Джулия ни дулась и ни закатывала истерики, а в более старшем возрасте ни красилась в ядерно-розовый цвет и ни резала себе руки, ей не под силу было тягаться с Беверли – обольстительной Беверли с ее взбитыми блондинистыми волосами, декольтированными блуз-

ками и неизменными туфлями на шпильке, которые та носила даже с шортами. Она окружала отца заботой: готовила ему еду, раскуривала сигареты, массировала плечи, когда он сидел перед телевизором. Однако едва стоило ему сказать ей хоть слово поперек, как он в мгновение ока лишался всех этих милостей, и Джулии больно было видеть, как отец из кожи вон лезет, чтобы вернуть себе расположение жены.

Брак их распался года четыре назад. Когда отец сообщил Джулии, что они разводятся (Джулия традиционно звонила ему раз в год – поздравить с Рождеством), он сказал в своей прямодушной беззлобной манере: «Беверли такая яркая личность. Я не мог дать ей того, что ей нужно».

А нужен ей был, как Джулия выяснила впоследствии, мужчина с толстым кошельком. Отец Джулии никогда не был особенно состоятельным, однако для человека, чье образование ограничилось всего лишь восемью классами, достиг немалого успеха. К тридцати годам он имел собственный дом и собственное дело, за которые целиком и полностью расплатился с банком. И счет деньгам он всегда умел вести превосходно, потому-то масштаб его долгов и стал для Джулии таким потрясением, когда он умер. Должно быть, Беверли промотала все, что у него было, а когда не осталось больше ничего, ушла от него к Баду Дейлу, который только что открыл свою вторую автомастерскую.

Джулия помнила, как впервые за много лет увидела Беверли на отцовских похоронах. С возрастом та немного сдала, но все еще обладала той способностью казаться красавицей, какой обладают женщины с крупными носами, даже когда на самом деле они не так уж и красивы.

– Жаль твоего отца, – сказала она тогда. – Если от него остались какие-нибудь деньги, дай мне знать. Я имею право получить свою долю, ты не считаешь? В конце концов, мы с ним двадцать лет прожили душа в душу.

Все это было сказано прямо в присутствии Бада Дейла.

Когда Джулия продала отцовский дом, а то небольшое, что осталось после погашения долга, пустила в уплату по закладной за ресторан, Беверли рвала и метала. Часть этих денег должна была достаться ей, твердила она. Но как только до нее дошло, что Джулия намерена остаться и работать в ресторане, чтобы потом, расплатившись с долгами, продать его с выгодой, она стала время от времени возникать на горизонте, чтобы напомнить бывшей падчерице: ей, Беверли, разумеется, тоже причитается доля прибыли. Как будто они действовали заодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.